

ОЛЕГ СТРИЖАК

ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ 1917 ГОДА

*Пока поднимается пушка “Авроры”,
не знает почти что никто, ну — почти что,
как мир переходит границу повтора,
и всё необычное станет обычным...*

Андрей Домбровский

Закулисье Истории (а всё важнейшее в Истории творится втайне от публики) очень редко открывается исследователю. Но по прошествии столетия события предстают перед нами во всей своей полноте и наготе...

Февральский переворот в России в 1917 году явился результатом заговора, который начался в сентябре 1915 года. Об этом впервые заявил в печати Деникин в Париже в 1921 году. Монархисты хотели силой вырвать у своего государя отречение, а в случае отказа — убить царя. Потом появились в эмигрантской печати свидетельства о масонском заговоре. В действительности там был сложный клубок четырёх заговоров: дворцовый (великие князья), генеральский (армия), заговор разведок Англии и Франции и масонский заговор (“центр” депутатов Думы, эсеры и меньшевики). Имеется обширная литература по этому вопросу, воспоминания участников заговоров и очевидцев.

В начале марта 1917 года государь, извещённый, что заговорщики намерены убить его самого, его жену и детей, подписал отречение в пользу младшего брата, великого князя Михаила. Михаил, растерявшийся, под нажимом и под угрозами “думцев”, отрёкся в пользу Учредительного собрания.

В том же марте началось разложение армии через провокационный “Приказ № 1” — “некие силы” уведили армию из-под власти дисциплины и подчинения старым начальникам. На фронте и в тылу отменялись подчинение и чинопочитание, учреждались солдатские комитеты, которые отныне решали, исполнять приказы командиров или нет. Результат превзошёл ожидания, солдаты поняли дело так, что “революционная свобода” — свобода выбора, свобода не воевать (в июле после ужасного провала наступления командующий фронтом генерал Деникин гневно выговаривал военному министру Керенскому: “Не большевики разложили армию, а вы, ваше правительство”).

В апреле вместо того, чтобы созывать Учредительное собрание, правительство заявило (“нота Милюкова”), что будет продолжать войну по обязательствам царизма. Возмущённые полки Петрограда вышли из казарм с оружием и окружили Мариинский дворец, где (как и при царе) заседали министры.

Генерал Корнилов, командующий войсками Петроградского военного округа, вывел артиллерию, чтобы расстрелять мятежные полки. Политики испуганно заявили, что это — начало гражданской войны. Совет рекомендовал Корнилову убрать пушки. Корнилов подчинился, но подал в отставку. “Министры-капиталисты” тоже ушли в отставку. Составилось новое Временное правительство с участием социалистов, которое решило: войну продолжать.

Сталин приехал в Петроград из Сибири 12 марта, отобрал у Молотова руководство газетой “Правда” и заявил два своих главных тезиса: вся власть в России должна принадлежать Советам, а войско должно быть первейшим союзником пролетариата (12 миллионов людей в шинелях, с винтовками и пушками, обученные стрелять, – страшная сила).

Ленин приехал из Швейцарии 3 апреля 1917 года. До того Ленин и Сталин сильно враждовали (конфликт между “бакинской группой” Фиолетова-Сталина и “парижскими господами” – Лениным и прочими; высказывались подозрения, что именно Ленин устроил арест Сталина в 1913 году и отказал в организации побега Сталина из заполярной ссылки).

Сталин категорически не принял тезисы Ленина (которые позднее были названы “апрельскими”). Петроградское бюро партии большевиков почти единогласно проголосовало против этих тезисов. Плеханов, старейший социал-демократ, в печати назвал эти тезисы “бредом”. В большинстве своём “эс-деки” заключили, что Ленин окончательно порвал с марксизмом и сделался “бланкистом” и “бакуинцем”. Известно, что Сталин и Ленин несколько часов говорили с глазу на глаз. После этого разговора Сталин стал в партии первым человеком после Ленина, а в ЦК большевиков было создано Военное бюро, которое возглавили Сталин и Дзержинский.

Уже в мае разумные люди видели, что России не нужно воевать. Февральская революция привела к полной разрухе. Фабрики закрывались повсюду – из-за нехватки сырья. В городах начинался голод, продовольствия по карточкам давали мало или не давали вовсе, а на свободном рынке за время войны цены выросли в 13 раз. Производство военной продукции упало в три раза. Армия, разложенная “Приказом № 1” и декретами Временного правительства, стихийно не желала воевать. Армия уверилась, что “свобода” – это свобода бесчинств, дезертирства, преступлений. Каждый день войны стоил 56 миллионов рублей, а дефицит годового бюджета составлял 40 миллиардов. России был нужен мир.

Германия, измученная войной, с осени 1916 года по различным каналам искала возможности заключить перемирие с Россией (положение “центральных держав” ухудшилось тем, что в апреле 1917 года США объявили о вступлении в войну на стороне Антанты и начали отправку в Европу миллиона солдат).

В июне 1917 года в Петрограде собрался 1-й Всероссийский съезд Советов (большевики имели на съезде всего лишь десятую часть мандатов). В дни съезда большевики наметили на 10 и 11 июня вооружённое выступление с целью “свалить” правительство князя Львова (по сценарию “апрельских дней”), взять власть и немедленно заключить мир, тем самым перетянув массы на сторону большевиков. Руководили подготовкой этого выступления Сталин, Дзержинский и Стасова. Каменев и Зиновьев были против взятия власти. Ленин предпочёл выжидать.

Возмущение съезда Советов было бешеным. Министр почт и телеграфа Временного правительства Ираклий Церетели, меньшевик, заявил, что “через ворота большевиков войдёт генеральская контрреволюция” (Церетели уже в июне почему-то увязывал большевиков с генералами). Съезд запретил большевикам демонстрацию. 9 июня всем казалось, что дело большевиков кончено. Ленин почёл за лучшее скрыться, с 10 июня партией руководил Сталин.

18 июня правительство и военный министр Керенский, по требованию Франции и Англии, начали громадное наступление русских армий, которое в июле закончилось катастрофой. Керенский позднее путано напишет, что “не имел своей воли” и был управляем из-за рубежа. Берберова, автор знаменитого исследования о масонах, говорила: “Они дали масонскую клятву, которая по уставу превышает все остальные клятвы, даже клятву Родине, – они дали клятву никогда не бросать Францию, и потому Керенский не заключил мира”.

“Июльские дни” в Петрограде – стечение чудовищных провокаций. 3 июля ЦК большевиков под руководством Сталина постановил: ни под каким видом не ввязываться в демонстрации анархистов. Но вечером 3 июля Зиновьев, Луначарский и “независимый с.-д.” Троцкий дали команду Раскольникову в Кронштадт, чтобы кронштадтский Совет прислал наутро 20 тысяч вооружённых матросов.

Многие в июле 1917 года говорили, что за всей этой нарочитой неразберихой стояли некие “тёмные силы”. Вероятно, так оно и было. В ночь на 5 июля в Петрограде были написаны два примечательных документа.

Один – секретный меморандум британского посла Джорджа Бьюкенена, адресованный Временному правительству. Бьюкенен разговаривал с Керенским и другими министрами, как барин с лакеями, и указывал им – правительству России! – что и как нужно делать далее.

Другой документ – обращение Сталина к рабочим и солдатам Петрограда. Удивительно, но он как будто читал меморандум Бьюкенена. В этом обращении Сталин писал, что теперь перед Россией два пути: или Россия станет колонией Англии, Америки, Франции – или Советы возьмут власть, заключат мир, и Россия будет независимой державой.

Вечером 4 июля в Петрограде было объявлено военное положение. 5 июля в город стали прибывать эшелоны с войсками Северного фронта – казачьи полки, артиллерия, броневики. Мосты были разведены. Город опустел – только пугающее передвижение войск. “Тёмные силы” хотели в Петрограде крови, и большой крови. Утренняя пресса начала кампанию на тему “большевики – германские шпионы”, в прессу были сброшены документы, собранные контрразведкой военного округа.

В “Энциклопедии военной разведки России” (М., 2004) сообщается, что начальник Разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенант Н. М. Потапов с июля 1917 года сотрудничал с большевиками (значит – документы имеются, и когда они будут рассекречены, наши учебники преобразятся). Нужно думать, что контакты генерала Потапова со Сталиным начались гораздо ранее. 1 июля 1917 года контрразведка Петроградского военного округа выписала – по делу “немецких денег” – ордера на арест 28 виднейших большевиков, начиная с Ленина. Примечательно, что в этом списке не было фамилий Сталина, Дзержинского и Стасовой: “кто-то” вывел всю “группу Сталина” из-под удара.

После “июльских дней” Сталин был в Петрограде легальным политиком и общим миротворцем. Как представитель ВЦИК Советов он 5 и 6 июля вёл переговоры с правительством, с командованием штаба военного округа, с восставшими – и добился, чтобы каратели не спешили и чтобы восставшие сдались. Кровопролития удалось избежать.

Мне видится, что генерал Потапов и Сталин явились реальными руководителями Октябрьского переворота (после Октября генерал Потапов стал начальником разведки штаба Красной армии).

Уже в июле 1917 года говорили, что “звезда Корнилова” взошла по воле английского посла Бьюкенена. В ходе провального наступления и катастрофы Корнилов стремительно рос в чинах – из генерал-майора, командующего армией он в две недели стал генерал-лейтенантом, главнокомандующим фронтом, а затем генерал-аншефом и Верховным Главнокомандующим.

В августе Корнилов был чрезвычайно уверен в себе, – видимо, ему твёрдо пообещали, что он станет Диктатором. Сталин в газете “Рабочий путь” иронически называл генерала “сэр Корнилов” и писал об английских разведчиках в ставке Корнилова (видимо, Сталин получал сведения из надёжных источников). Кроме английской разведки, Корнилова усердно и практически поддерживали два крупнейших масона: бывший военный министр Гучков и действующий военный министр Савинков.

Важно заметить, что в армии генерала Крымова, которую Корнилов двинул на Петроград, не было уроженцев русских губерний – только донские казаки и кавказцы. В бронемашинах сидели английские офицеры. Корнилов был слабым военачальником даже в качестве командира дивизии (генералы в мемуарах подтверждают это). План Корнилова был таким: Кавказская Туземная дивизия разворачивается в корпус, а затем вместе с Конным корпусом генерала Краснова разворачивается в Отдельную Петроградскую армию – и всё это на ходу, в эшелонах, в наступлении. Такой план несерьёзен.

О заговоре Корнилова написано много, но гораздо интересней заговор других генералов – против формального Верховного Главнокомандующего Корнилова и против военного и морского министра Временного правительства Керенского. К примеру, командующий Московским военным округом полковник Верховский в “корниловские дни” нейтрализовал у себя в округе всех прокорниловски настроенных офицеров и выделил пять полков для удара по Могилёву – ставке Корнилова (в декабре 1917 года генерал Верховский мобилизовал дивизии Московского и Казанского военных округов и в начале 1918 года вышиб корниловцев и калединцев с Дона).

Наступление Корнилова на Петроград погубили два генерала – главнокомандующий Северным фронтом генерал-аншеф В. Н. Клембовский и его начальник штаба и комендант Псковского гарнизона генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич. Они растащили сотню эшелонов армии генерала Крымова от Пскова по восьми железным дорогам и бросили эти эшелоны без паровозов, без продовольствия и фуража – в глухих лесах (позднее Клембовский и Бонч-Бруевич служили в высоких чинах в Красной армии).

Если взглянуть, кто из русских генералов воевал и служил в Красной армии, список будет велик. Первым должно назвать национального героя, гордость России, генерала от кавалерии, императорского генерал-адъютанта А. А. Брусилова, он вступил в Красную армию в возрасте 66 лет и был инспектором кавалерии РККА. Царский военный министр, член Государственного совета генерал от инфантерии А. А. Поливанов. Царский морской министр, императорский генерал-адъютант адмирал И. К. Григорович, великое имя, создатель Морского Генерального штаба, автор Большой и Малой судостроительных программ возрождения русского флота, автор Минно-артиллерийской позиции в Финском заливе – преподавал в Академии РККФ. Профессорами в Академии РККА были генерал-аншефы Данилов, Гутор, Зайончковский, в Красной армии служили генерал-аншефы Шейдеман, Черемисов, Цуриков, Клембовский, Белькович, Балуев, Баланин, Шуваев, другой Данилов, Лечицкий, вице-адмирал Максимов, генерал-лейтенанты Соковнин, Огородников, Надёжный, Искрицкий.

Генерал-лейтенант Селивачёв командовал Южным фронтом Красной армии и громил Деникина, генерал-майор Гиттис командовал армиями, Южным, Западным, Кавказским фронтами, генерал-лейтенант Д. Н. Парский командовал Северным фронтом, генерал-майор Петин командовал Западным, Южным и Юго-Западным фронтами, генерал-майор Самойло командовал Северным фронтом (где разгромил своего давнего приятеля и сослуживца по Генштабу генерала Миллера), а затем Восточным фронтом. Морскими силами Республики Советов командовали (последовательно) контр-адмиралы М. В. Иванов, В. М. Альтфатер, капитан 1-го ранга Е. А. Беренс, контр-адмирал А. В. Немитц. Балтийским флотом после Октября командовали вице-адмирал А. А. Развозов, контр-адмирал С. В. Зарубаев, контр-адмирал А. П. Зелёной, капитан 1-го ранга А. М. Щастный. Капитан 1-го ранга Б. Б. Жерве стал начальником Академии РККФ. Полковник Генерального штаба П. П. Лебедев стал начальником штаба Красной армии, полковник И. И. Вацетис стал Главнокомандующим Вооружёнными Силами Республики Советов, полковник Генерального штаба Б. М. Шапошников в гражданскую войну был начальником Оперативного управления Полевого штаба РККА, – с мая 1937 года начальник Генштаба РККА, затем – Маршал Советского Союза, в войну – заместитель Сталина в наркомате обороны, автор нашей победы под Сталинградом. . .

В конце июля 1917 года Керенский создал своё правительство из “капиталистов” и социалистов (все они были “братья” в масонской ложе) и стал премьер-министром – означилось противостояние Керенского и Корнилова (которое позволительно трактовать как противостояние парижской ложи “Великий Восток” и английской разведки). В июле Керенский поклялся, что Учредительное собрание соберётся в сентябре.

В те дни произошли значительные географические перемещения, которые сделали наименования “Зимний” и “Смольный” символами Истории. Керенский уже задумал учреждение Предпарламента и, чтобы освободить для заседаний Предпарламента Мариинский дворец, перевёл заседания своего правительства в Зимний дворец, в Малахитовый зал. В это же время Таврический дворец закрыли на ремонт, чтобы придать ему достойный вид к приёму членов будущего Учредительного собрания, преемника Государственной думы. ВЦИК Советов и Петросовет нашли для себя поблизости большое здание с актовым залом – Смольный институт.

Историки не могут разобрать, до какой степени Корнилов был в сговоре с Керенским, когда в июле и августе 1917 года сознательно сдавал немцам Прибалтику: сначала неприступный Икскюльский укреп район, затем – Ригу. Тогда же, в августе Сталин писал в “Рабочем пути”, что следующим шагом Керенского и Корнилова будет сдача немцам Петрограда.

За вооружённый мятеж и попытку низвергнуть “законное” правительство генерал-аншеф Корнилов и более двадцати генералов-корниловцев были

арестованы правительством Керенского. Правительство Керенского развалилось, и 1 сентября 1917 года Керенский создал новый кабинет министров (4-е Временное правительство за полгода), Керенский вновь стал премьером и объявил себя Верховным Главнокомандующим. В тот же день, 1 сентября Керенский внезапно, не дожидаясь Учредительного собрания, объявил Россию Республикой. Выборы в Учредительное собрание были отодвинуты на ноябрь. 5 сентября Керенский велел готовить государственные учреждения Петрограда к эвакуации. 5 октября он объявил о переезде правительства в Москву (в те дни был вывезен из Петрограда в Казань весь золотой запас России, более 1 тысячи тонн золота, что имело тяжелейшие последствия для грядущей России. В 1918 году золото было захвачено чехами, небольшую его часть Колчак сумел вывезти через Владивосток в Лондон, а остальное русское золото исчезло бесследно).

Корниловский заговор воспринял в ноябре 1917 года. Начальник Ставки Верховного Главнокомандующего генерал Духонин категорически отказался исполнять приказ Временного правительства Ленина о заключении перемирия с Германией. Духонин освободил арестованных генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова и прочих – будущих героев “Белого дела”. В Могилёв мгновенно выслали из Петрограда группу офицеров, как сейчас сказали бы, “спецназа”, Духонин был убит, но корниловцы ушли на Дон.

В сентябре 1917 года Керенский, будто забыв про Учредительное собрание, вручил “судьбу России” неожиданному явлению – Демократическому совещанию (большевики там были представлены единицами, 5 октября Сталин увёл фракцию большевиков из этого Совещания), совещание избрало странный орган – Совет Республики или Предпарламент – почти шесть сотен человек с чисто совещательными функциями при новом правительстве.

Контркорниловский заговор русских генералов продолжился действительно. Известно, что в начале сентября 1917 года группа генералов – Самойло (будущий кавалер двух орденов Ленина и четырёх орденов Красного Знамени), Петин, другие (все – из разведки Генштаба) составили секретный план действий во благо России: немедленный мир с Германией и Австро-Венгрией, немедленная демобилизация вконец разложенной армии (6 миллионов солдат на фронте, 4 миллиона солдат в тылу, 2 миллиона дезертиров), выставление против германских и австрийских войск “завесы” – 10 корпусов, 300 тысяч штыков, наполовину – офицерского состава, чтобы под прикрытием этой “завесы” не позднее ноября 1917 года начать формирование новой Социалистической армии.

Видимо, Ленин, сидя в Финляндии, кое-что знал от Сталина об этих приготовлениях. Когда в сентябре Керенский собрал в Александринском театре Демократическое совещание, то Ленин из Гельсингфорса яростно требовал от Сталина немедленно арестовать это Совещание – и взять власть. В 1924 году Сталин с большой иронией вспоминал этот эпизод. Вместо имени Ленина он говорил: “...некоторые товарищи требовали от нас... – и далее: – Вот пример людей, которые ничего не понимают в деле взятия власти”. Генералы-антикорниловцы хорошо понимали, что власть генералов в России вызовет только народную ненависть. Нужно было найти другое достойное учреждение. Таким учреждением мог стать 2-й Всероссийский съезд Советов. И в сентябре через аппарат партии большевиков началась агитация за спешный созыв съезда Советов. ВЦИК Советов (который сидел уже в Смольном) колюче противился этому делу. Но искусственно подогреть “требования снизу” сделали своё: созыв съезда был назначен на 20 октября 1917 года.

В любом заговоре настает момент, когда круг посвящённых резко расширяется, и информация начинает утекать. В начале октября весь Петербург знал, что 20 октября большевики будут брать власть (заметим, что ещё в сентябре заводской ремонт крейсера “Аврора” по приказанию свыше был резко ускорен, и готовность крейсера к выходу была назначена на 20 октября). Все крупные газеты в Петрограде с 14 октября завели ежедневную рубрику “К выступлению большевиков”.

Ленин тайно приехал в Петроград где-то между 7 и 10 октября. 10 и 16 октября состоялись два “исторических” заседания, на которых Ленин с неприязнью узнал, что члены ЦК, его вернейшие ученики, весьма скептически относятся к обещаемому перевороту. Большевики не хотели брать власть (это видно, например, из мемуаров Раскольниковца) и не понимали, зачем им это

нужно. Некоторые, вероятно, испытывали просто страх — а вдруг их повесят? — и торопились отмежеваться. 18 октября Каменев в газете Горького напечатал от своего и от имени Зиновьева заявление, что они — члены ЦК большевиков — против переворота.

“Двадцатое октября” всех запугало и у всех навязло в зубах. ВЦИК и его председатель Дан почли за благо отстраниться от одиозной даты и перенести открытие съезда Советов на среду 25 октября.

Заговорщики использовали последний шанс: 20 и 21 октября военный министр Верховский страстно убеждал правительство и Предпарламент немедленно начать мирные переговоры с Германией и Австро-Венгрией. В ответ правительство уволило Верховского. 21 октября, в субботу, состоялось сверхтайное заседание ЦК большевиков (о котором не знал Троцкий), где был утверждён секретный “практический центр” руководства переворотом от большевиков: Сталин, Дзержинский, Урицкий.

Остаётся тайной, где, кем и когда было решено начать переворот 24-го числа, чтобы преподнести власть съезду Советов в подарок. На дополнительную подготовку оставались воскресенье и понедельник (погода была пасмурная и сухая, ночью плюс 1 по Цельсию, днём плюс 3, устойчивый западный ветер 8 м/сек).

Когда Ленин 24 октября писал второпях свою записку: “Верховского прогнали! Всё висит на волоске! Неважно, кто возьмёт власть!” — в Петербурге, столице недавней Империи, дело совершалось неторопливо. Специальные группы тихо овладевали почтамтом, телеграфом, телефонной станцией, вокзалами — все эти учреждения продолжали исправно работать, и публика ничего необычного не замечала, просто — на почте и телеграфе вводилась негласная цензура: какие письма и телеграммы дозвоительно отправлять, а какие — нежелательно. На телефонной станции вводилось прослушивание всех телефонных разговоров и разъединение разговоров ненужных. На вокзалах специальные люди садились рядом с диспетчером и советовали ему, какие поезда и эшелоны желательно пропустить, а какие лучше притормозить.

Естественно, что всё это осуществляли не солдаты, а обученные своему делу офицеры.

Заговорщики знали, что над ними нависает угрожающая лавина — 200-тысячный гарнизон Петрограда.

Все мемуаристы отмечают трусливое настроение солдат Петроградского военного округа осенью 1917 года. Собственно боевых частей в Петрограде (за исключением трёх Донских казачьих полков) не имелось. Горделивые гвардейские наименования — Преображенский полк, Павловский — прикрывали ленивое существование чрезмерно раздутых запасных батальонов, где новобранцев обучали ходить строем, колоть штыком соломенное чучело, после чего из них формировали маршевые роты по тысяче человек и отправляли эшелонами на фронт. Мечтой каждого петроградского солдата было избежать фронта. За это давали писарям взятки, офицерам делали подношения. В июле 1917 года обучение и отправка маршевых рот как-то сами собой прекратились. Солдаты жили в казармах, вволю бродили по городу (революционная свобода), вволю жрали положенные ещё от царя дармовые мясо и хлеб, вечера и ночи (читайте у Милицына) проводили в трактирах, в синематографах, с девками, а потом в казарме спали до полудня.

Корнилов в августе был уверен, что гарнизон Петрограда останется безразличным к его наступлению на Петроград — так оно и вышло.

В октябре солдаты дружно ненавидели Керенского и ругали большевиков. Главной задачей заговора было, чтобы солдаты не вылезали из казарм и чтобы казачьи полки не стали ввязываться в чужое им дело.

Керенский позднее писал, что командующий войсками Петроградского военного округа полковник Полковников оказался предателем. Вероятно, Полковников был в заговоре — в пользу этого говорит тот факт, что спецгруппы начали овладевать государственными учреждениями Петрограда в 10 часов утра 24 октября, а Полковников доложил об этом по прямому военному телеграфному проводу Главнокомандующему генералу Духонину в Ставку в Могилёв только в 10 часов утра 25 октября, когда уже было объявлено (на всю Европу, через радиостанции “Авроры”, Новой Голландии и линкоров Балтийского флота, стоявших в Гельсингфорсе), что Временное правительство низложено.

Но чтобы устроить Петроградский гарнизон, в качестве мощного и энергичного противника заживершей солдатни был двинут Балтийский флот.

В октябрьском заговоре принимали важнейшее участие морской министр контр-адмирал Д. Н. Вердеревский, недавний командир 2-й бригады крейсеров Балтийского флота, а ныне управляющий морским министерством капитан 1-го ранга М. В. Иванов, командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. А. Развозов, подчинённый генерал-аншефу Черемисову начальник Приморского фронта и Морской крепости Петра Великого капитан 1-го ранга Б. Б. Жерве, начальник Военно-морского управления при главнокомандующем Северного фронта генерале Черемисове контр-адмирал В. М. Альтфатер. Все они были первоклассные, отважные боевые офицеры, командиры кораблей и соединений, все в боевых орденах (Иванов – золотое оружие за храбрость).

В советской литературе, даже в энциклопедиях, утверждалось, будто Балтийским флотом в Моонзундском сражении командовал “большевистский комитет”. Это глупость и ложь. Как больничный кочегар не может заменить хирурга, так дюжина матросов не сможет командовать крейсером, тем паче в бою.

Моонзундское сражение в октябре 1917 года продолжалось 8 суток. Немцы с целью захватить Петроград собрали 10 линкоров-дредноутов, 10 крейсеров, ещё почти 300 кораблей и судов, 100 самолётов, 25 тысяч десантных войск. Наш Балтийский флот мог противопоставить им только 2 линкора дредноутного типа, 3 крейсера, около 100 кораблей и судов, 30 самолётов, 16 береговых батарей и 12-тысячный гарнизон Моонзундских островов. Все офицеры были на своих местах. Командовали операцией штаб Балтийского флота и командующий флотом контр-адмирал А. А. Развозов. Все русские моряки с честью исполнили свой долг. Мы вынужденно отдали немцам Моонзундский архипелаг, но немцы понесли тяжёлые потери и не рискнули прорываться далее, в Финский залив, в минные поля, к Петрограду.

В военное время переход корабля из порта в порт – это боевая операция. На переход корабля отдаётся приказ штаба, составляется план перехода и подготовки боевых частей корабля. На корабле минимум за 12 часов до отхода от стенки нужно разводить огонь в топках, “поднимать пар” в котлах. Корабль должен получить боеприпасы и продовольствие, уголь (нефть) и смазочные материалы (всё это – в разных гаванях), получить карты с новейшей гидрографической и боевой обстановкой (идти по вчерашней карте – вылететь на камни или подорвешься на минах). О переходе корабля должны быть заранее оповещены все береговые посты наблюдения и связи и береговые артбатареи – громаднейшая штабная работа, и никакому “ревкому” она не под силу.

25 октября 1917 года в Морской канал Петрограда и в акваторию Невы были переведены из Ревеля, Гельсингфорса (по секретным фарватерам в наших минных полях) и Кронштадта 1 броненосец (27 октября, когда началось наступление генерала Краснова на Петроград, броненосец “Заря Свободы”, бывший “Император Александр Второй”, стоявший у входа в Морской канал, был заменён гвардейским крейсером “Олег”), 2 эскадренных миноносца, 3 минных заградителя, 2 тральщика, 1 сторожевое судно, 1 учебное судно, 1 лёгкое судно; они доставили несколько сотен моряков, базовый госпиталь с персоналом, 2 тысячи винтовок, 1 миллион патронов (вместе с “Авророй”, которая уже стояла в Неве, общая артиллерийская сила этой эскадры могла разрушить весь центр Петрограда).

Любой грамотный военный моряк вам скажет, что такой переход со сбором кораблей и судов – отличная работа штабных офицеров. Правительство Ленина высоко оценило заслуги моряков в деле Октябрьского переворота – в ноябре 1917 года контр-адмирал Развозов был произведён в вице-адмиралы, капитан 1-го ранга Иванов был произведён в контр-адмиралы (впоследствии он будет инспектором Морских войск ВЧК).

Вахтенный журнал крейсера “Аврора”, относящийся к осени 1917 года, был найден в 1937 году при обыске в сейфе одного из арестованных большевистских “вождей”. В вахтенном журнале отсутствовали (вырваны “с мясом”) страницы с записями последних десяти дней октября 1917 года. Зачем крейсер “Аврора” вечером 24 октября вышел на фарватер Невы? Казённая версия говорит: “вечером 24 октября прибыл на “Аврору” из Смольного гонец и передал

революционный приказ — выйти к Николаевскому мосту и разогнать юнкеров, и “Аврора” тотчас вышла к мосту и разогнала юнкеров”.

На “Авроре” были 24 паровых котла, и чтобы к вечеру держать нормативное давление пара в котлах 17 атмосфер и в паровых машинах 15 атмосфер, нужно было разводить пары с раннего утра. Перемещение могучего крейсера невозможно без предварительной разработки в штабе флота.

Чтобы “напугать юнкеров”, “Авроре” не было нужды шевелиться. “Аврора” стояла у стенки завода в 550 метрах ниже Николаевского моста. С такой дистанции хороший пулемётчик смахнёт папиросную пачку.

Корабль, стоящий в заводе, имел на борту небольшое количество угля — чтобы отапливать жилые отсеки (от малого котла) и чтобы крутить динамомашину — для освещения помещений и подачи электропитания на приборы и механизмы. Чтобы крейсер “Аврора” отошёл от стенки, на него нужно было загрузить минимум сто тонн угля (достаточно, чтобы дойти из Петербурга до Ревеля или Гельсингфорса). Значит, кто-то отдал предписание командованию Угольного порта, в Угольном порту загрузили на баржу уголь, и буксир притащил эту баржу в Неву, к борту “Авроры”, а нижняя команда крейсера, три сотни матросов и унтеров, в течение нескольких часов поднимала уголь из баржи на борт и раскидывала его по 20 нижним угольным ямам, и закончилось это не позднее 23 октября, ибо утром 24 октября кочегары уже бросали уголь в топку крейсера. В одной из научных книг сталинского времени (1951 года) говорится, что крейсер “Аврора” получил боевой приказ на выход из завода ещё 22 октября.

Кораблю, стоящему в заводе, запрещено иметь на борту боезапас. Если на “Авроре” 25 октября имелись снаряды и заряды — значит, кто-то заранее, через сложный механизм штабной бюрократии отдал приказ начальнику артскладов форта Ино отгрузить, по секретному перечню, боезапас для крейсера “Аврора”, и приказ в Военный порт о переходе буксира с баржой, и приказ — самым различным службам и боевым соединениям — на боевое обеспечение этого перехода. Ночные переходы кораблей и судов в Финском заливе, ввиду минной опасности, были запрещены. Стало быть, не ранее середины дня 25 октября буксир притащил баржу с боезапасом к борту “Авроры” и верхняя команда, на виду у Петербурга, стала перегружать боезапас в артпогреба крейсера.

“Аврора”, отойдя от стенки завода, никак не приближалась к Николаевскому мосту, а напротив, отошла вниз по течению и встала на якоря, — а 25 октября в Неву вошёл эскадренный миноносец “Самсон” (совершивший переход в Петроград из Гельсингфорса) и встал на фарватере выше “Авроры” по течению — меж “Авророй” и Николаевским мостом. “Самсон” своим корпусом и своими пушками прикрыл “Аврору” от возможного обстрела из города.

В 1917 году “Самсон” (случайно или нет получил он имя библейского богатыря?) был новейшим и лучшим эсминцем Балтийского флота. В боевой позиции на Неве 25 октября “Самсону” была отведена главная роль (видимо, не случайно в 1923 году этот образцовый корабль Краснознамённого “Балтфлота” был переименован в “Сталин”, а в 1936 году стал первым военным кораблём, который прошёл за ледоколами по Северному морскому пути).

У одного мемуариста промелькнуло, что крейсер “Аврора” отошёл от заводской стенки затем, что на “Авроре” находился запасной штаб восстания. А очевидец, мирный житель по фамилии Дубнов, записал в дневник 28 октября: в городе говорят, что когда войдут войска Керенского, большевики сядут на “Аврору” и уплывут в Кронштадт. Вероятно, здесь и заключается правда: в случае неудачи истинные руководители переворота должны были эвакуироваться на “Аврору” (плавучую крепость) и под прикрытием огневой мощи эскадры уйти либо в Ревель, к генералу Черемисову под крыло, либо в Гельсингфорс, к адмиралу Развозову.

В 1960-е годы А. В. Бельшев, который в октябре 1917 года был председателем судового комитета на “Авроре”, рассказал, что носовое 6-дюймовое орудие крейсера не стреляло и никакого “сигнала к штурму” посредством орудийных выстрелов не отдавалось. Просто в девятом часу вечера на “Авроре” дважды выстрелила кормовая зенитка (со времён Петра Великого двойной выстрел кормового орудия являлся приказом “шлюпкам к борту”). На “Авроре” стояли новейшие зенитки Лендера калибром 3 дюйма, длина ствола 2,3 метра, они били в высоту на 6 вёрст, и звук их выстрела был сильным.

Красный фонарь над Петропавловской крепостью также не являлся “сигналом к штурму Зимнего”. Башенка с сигнальной мачтой на Нарышкином бастионе была главным постом оповещения кораблей на рейде реки Невы (для чего её и построили в 1731 году по проекту Трезини).

Днём 25 октября для кораблей, вошедших в Неву, на сигнальной мачте над рейдом был поднят чёрный цилиндр – с любого угла он смотрится как чёрный квадрат, а с наступлением темноты чёрный квадрат положено заменять красным “огнём”. Этот сигнал означал: высота воды 4 фута выше ординара (при маневрировании у берегов крайне важно знать глубину под судном).

Вёлся ли вечером 25 октября артиллерийский огонь из Петропавловской крепости по Зимнему дворцу? (В крепости имелись 6-дюймовые и 3-дюймовые орудия, от крепости до дворца – 500 метров, стрельба была бы расстрелом в упор). У историков находим самые различные сведения. Одни пишут – был 1 выстрел из крепости, другие – 8 выстрелов, третьи – что пушки крепости выстрелили по дворцу 35 раз. Одни историки пишут, что крепость стреляла холостыми, другие – что разрывными снарядами, третьи – что пушки из крепости били шрапнелью.

Нужно думать, что правду пишет очевидец и участник событий (Суханов): артиллеристы крепости вообще отказались стрелять и заявили о своём нейтралитете. А чтобы избежать провокаций комиссаров, артиллеристы сняли с орудий панорамы и слили масло из цилиндров отката. Видимо, впоследствии комиссары, которые “командовали” в тот вечер в крепости, устыдились своей беспомощности и наврали – кто как умел.

Имел ли место вечером 25 октября “штурм Зимнего дворца”? Это смотря по тому, какой смысл мы будем вкладывать в термин “штурм”. 24 октября Керенский, Верховный Главнокомандующий, твёрдо верил, что у него имеются верные части, которые раздавят большевиков. Он говорил в Предпарламенте, что с Северного фронта, от генерала Черемисова уже идут эшелоны с казаками, пехотой, артиллерией, броневиками и что уже отдан приказ об аресте Ленина. В ответ меньшевистская с.-д. фракция Предпарламента предложила Керенскому немедленно заключить мир на фронте и передать помещичьи земли крестьянским земельным комитетам, но Керенский такими вопросами не интересовался.

Ночь на 25 октября Керенский провёл в здании Главного штаба военного округа на Дворцовой площади – в совещаниях с военными и в ожидании эшелонов с верными войсками.

В 9 часов утра Керенский собрал министров в Главном штабе (Главный штаб, пишет очевидец, являл дикую картину – в рабочий день сплошь пустые кабинеты, разбросанные бумаги, ни дежурных адъютантов, ни одного часового ни снаружи здания, ни внутри). Керенский сообщил министрам, что эшелоны уже идут на Петроград и что он едет им навстречу.

Свои автомобили Керенскому казались ненадёжными, он попросил машину у американского посла и не позже полудня на мощной машине с флагом США выехал в Лугу (далее его понесло во Псков, в Остров). Министры перешли через площадь в Зимний дворец, в Малахитовый зал. Примерно в 1 час дня в Мариинский дворец вошла группа вооружённых людей, которые предложили депутатам Предпарламента покинуть дворец, – депутаты разошлись, довольные, что их не арестовали.

В это время к Зимнему начали подтягиваться войска, верные правительству. На площади меж Александровской колонной и дворцом высились штабеля брёвен в сажень длиной – дрова на зиму для отопления дворца. Получилась неприступная баррикада. На штабелях установили пулемёты, между штабелями поставили пушки, за штабелями укрылись казаки с лошадьми и прочие защитники дворца (их число называют различно – от 3 до 8 тысяч человек). Со стороны Адмиралтейства дворец укрывала высокая ограда, в саду за оградой также поставили пулемёты. Набоков пишет, что в 3 часа дня площадь была оцеплена верными правительству солдатами, публика гуляла по тротуарам, во дворец впускали по пропускам. В седьмом часу вечера, когда Набоков покинул дворец, площадь была окружена восставшими.

Примерно в 7 часов вечера Чудновский от имени ВРК предложил министрам сдать по-хорошему и дал на раздумье 20 минут. Министры отказались сдать. Они верили, что через полчаса, через час в город ворвётся Керенский с войсками.

Уже стемнело, все ждали — неизвестно чего. “От нервов” началась редкая перестрелка. “Нападающие” попрятались в Александровском саду, на Невском, под аркой Главного штаба, на Мойке, в Миллионной улице. Изредка стреляли пулемёты. Внезапные оружейные выстрелы (зенитка “Авроры”) прибавили нервозности. (Утром узналось, что за вечер и ночь возле дворца были убиты 2 человека и 9 ранены).

Перестрелка затихала, и Чудновский ходил к защитникам дворца на переговоры. Ушёл от дворца казачий полк. Ушли юнкера-артиллеристы с пушками. Ушёл женский батальон. Именно в это время беззвучно происходил не штурм, а захват дворца.

Дворец, чёрный и мрачный (он был сплошь выкрашен в тёмно-красный цвет), высился без единого огонька в окнах. Небольшая группа обученных людей (боевики Дзержинского и диверсанты разведки Генштаба) проникла во дворец через подвал, вырубил дворцовую электростанцию (которая до сих пор ржавеет во дворе) и принялась без единого выстрела “зачищать” дворец.

Задача непростая — во дворце более тысячи помещений, работать пришлось в темноте, а было велено никого не убивать и не увечить. В течение примерно четырёх часов дворец был без шума зачищен. Разоружённых юнкеров и офицеров, человек семьсот, согнали вниз, в вестибюль и включили свет (очевидцы вспоминают, что у юнкеров и офицеров был ужасно перепуганный вид).

Тогда примерно в 1 час ночи Чудновский ввёл свой небольшой отряд во дворец — арестовывать министров. Юнкеров и офицеров отпустили на все четыре стороны. Арестованных министров увели под конвоем в Петропавловскую крепость.

Вот тут начался “штурм Зимнего дворца”, показанный Эйзенштейном, — озверелые тысячи “красногвардейцев” бросились грабить дворец. После переворота в правительстве Ленина поставили вопрос: расследовать массовый грабёж в Зимнем дворце, наказать виновных, вернуть ценности, “народное достояние”, но дело заглохло — не до Зимнего дворца было в те дни.

“Красная гвардия” — отдельная песня. Начало ей положили большевики, в конце апреля 1917 года учредившие охранные отряды “Рабочей гвардии”. Денег (кайзеровских) большевики не жалели (только за покупку типографии для “Правды” и выписку из Швеции новейших ротационных машин они легко выложили полмиллиона рублей), и “рабочегвардейцам” платили очень хорошо. Этими отрядами вскоре без труда завладели анархисты и перекрестили их в “красную гвардию” (два цвета анархии — красный и чёрный).

В те дни милиция (замена царской полиции) составлялась по преимуществу из профессиональных воров и беглых арестантов. Уголовная дрянь поменьше ринулась в “красную гвардию”. Боец этой “гвардии” получал в месяц от 50 до 100 рублей (50 рублей — зарплата учителя гимназии и хорошего рабочего, 70 рублей — рабочего высокой квалификации, 100 рублей — жалованье младшего офицера на фронте). “Красногвардеец” имел красную повязку, огнестрельное оружие, юридическую неприкосновенность и владел безграничным правом грабить и притеснять (про этих “красногвардейцев” писал Блок: “на спину б надо бубновый туз”, “запирайте этажи, нынче будут грабежи”).

Важнее другое: за шумной ширмой “красной гвардии” Дзержинский и его люди с мая по октябрь 1917 года на глухих пустошах и в лесах Петербургского уезда обучали и тренировали собственные отряды боевиков — по всей программе профессиональных диверсантов. Эти боевики Дзержинского совместно с диверсантами разведки Генерального штаба малыми группами тихо овладевали Петроградом 24 и 25 октября (и они же позднее составили ядро секретных спецгрупп ВЧК). Когда мы встречаем в литературе термин “красногвардеец” применительно к октябрю 1917 года, нужно относиться к нему с осторожностью и постараться различить, где речь идёт о диверсантах Дзержинского, а где — о грязных бандах уголовников.

В августе, в “корниловские дни” Керенский в панике распорядился выдать “народу” 50 тысяч винтовок и море патронов — для “защиты Петрограда”. Нетрудно догадаться, в чьи руки попали те винтовки.

В гордых книжках про Октябрь мы читаем, что “в дни Октября революционный пролетариат имел 40 тысяч красногвардейцев”, а в книжках по истории ВЧК читаем, что “в ноябре 1917 года Петроград терроризировали 40 тысяч

вооружённых бандитов”. Видимо, речь идёт об одних и тех же людях. Вооружённые силы ВЧК были созданы для уничтожения “красной гвардии”. В феврале 1918 года правительство Ленина ввело смертную казнь за бандитизм (смертная казнь в России была “навечно” отменена первым Временным правительством в марте 1917 года). В марте 1918 года начальник ПетроЧК Петерс докладывал Петросовету и Дзержинскому в Москву, что все усилия его ведомства “поглощает борьба с бандитизмом”. В том же марте “красная гвардия” была объявлена вне закона. Петросовет постановил, что всякий, имеющий незарегистрированное оружие, будет расстреливаться как налётчик. Тысячные банды “красной гвардии” кинулись бежать из Питера.

В мае 1918 года Горький в своей газете “Новая жизнь” приводил свидетельства, как банды “красногвардейцев” численностью до нескольких сотен человек грабят сёла в Петербургской губернии, убивают, пытаются, облакадывают крестьян контрибуцией. В том же мае отряд “красной гвардии” под командованием штабс-капитана Наумова захватил и начал грабить Царское Село. Была изрядная битва за Царское Село, и части “особого назначения” ВЧК перебили “наумовцев”, как собак. В течение лета полки “особого назначения” уничтожали “красногвардейцев” в Луге, Гатчине, Новой Ладого, Тихвине (официально это звалось “подавление кулацких восстаний”, но какие же могли быть “кулацкие восстания” в городах?). К сентябрю 1918 года “красная гвардия” была истреблена.

Интересный вопрос – а кто всё-таки руководил переворотом 25 октября? Официальные учебники дружно говорят – Ленин. Но Ленин, как явствует из всего, был при этом деле “посторонним”. Он лишь писал бесконечные “советы постороннего”.

Троцкий, который вообще не был причастен к делу переворота и которого большевики с конца сентября 1917 года держали в Петросовете как ширму, чванно утверждал, что, поскольку Комитет обороны (впоследствии Военно-революционный комитет) числился при Петросовете, где председательствовал Лев Давидович, то лично он, Троцкий, и является руководителем революции в октябре 1917 года.

В действительности все “военно-революционные приказания”, которые рассылались по Петрограду от имени Петросовета, были подписаны вовсе не Троцким, а Лашевичем (в 1918 году Лашевич будет командовать 3-й армией РККА). Чем занимался ВРК? Он беспрерывно заседал. Троцкий пишет, что “Сталин не мог руководить восстанием, потому что Сталин ни разу не появился на заседании ВРК”. Да потому-то Сталин и не появился на заседаниях ВРК, что этот бессмысленный орган ничем не руководил, а только взывал к бандитской “красной гвардии”. Председателем ВРК в Смольном неотлучно сидел Подвойский – и на этом основании позднее он называл себя главным творцом, совершившим революцию. Кроме ВРК, существовал ещё Полевой штаб ВРК, с Антоновым-Овсеенко во главе (в Петропавловской крепости). Антонов впоследствии утверждал, что именно он сочинил “план восстания”. Имелся ещё, помимо ВРК и Полевого штаба, Военно-революционный центр (Сталин, Дзержинский, Урицкий, Бубнов, Свердлов). Свердлов отношения к перевороту не имел, он сидел “на партии” и был поглощён организацией и сколачиванием большевистской фракции грядущего съезда Советов.

А в 1924 году вдруг выплыло, что в конце октября 1917 года работал в Петрограде совершенно тайный “практический центр”, где значились три человека: Сталин, Дзержинский, Урицкий. Троцкий был в ярости, Троцкий писал, что Сталин не мог руководить революцией, потому что “Сталина никто нигде не видел”. Троцкий писал с издёвкой: “Что это за руководящий центр, о котором никто не знал?” Вот потому никто и не видел Сталина, что Сталин вместе с генералами русской военной разведки занимался делом.

А где был Ленин? Примечательно, что в “октябрьские дни” Ленина тоже никто не видел. Естественно, что Ленин тихо сидел возле Сталина. В последние дни накануне переворота Ленин прятался на Сердобольской, дом 1 (под окном свистели паровозы, станция Ланская, чуть что – сел на поезд, и через 20 минут ты в Финляндии). Никто, кроме Сталина, не знал ленинского адреса. Члены ЦК поддерживали связь с Лениным только через Сталина. Принято считать, что Ленин ушёл из дома на Сердобольской ближе к полуночи. Этого не могло быть, ибо Ленин ехал к Литейному мосту на трамвае, а трамваи 24 октября перестали ходить в 6 часов вечера.

Как уходил Ленин из дома на Сердобольской — тоже никто не видел. В квартире Ленин был один. Свешников пишет, что Ленин ушёл и оставил записку. В шестом часу вечера за Лениным пришёл неизвестный “связист”, посланный Сталиным (“связистом” тогда назывался в армии офицер связи, переносящий поручения от командующего к командующему). Далее Ленина никто не видел. В 3 часа дня 25 октября Ленин появился в Смольном на заседании Петросовета, коротко выступил и вновь исчез. Его не было вечером 25 октября на открытии съезда Советов. Вновь Ленин появился в Смольном только поздним вечером 26 октября, когда дело переворота было решено.

Где находился истинный штаб переворота? Какими непеременимыми качествами должно обладать это помещение? Оно должно быть неприметным (само собой). В нём должны находиться средства военной спецсвязи (только люди слабого мышления, вроде Троцкого или Антонова, способны вообразить, что возможно руководить военно-государственным переворотом по городскому телефону). Оно должно находиться на набережной, желательно — на берегу Невы (чтобы в случае заминки руководители заговора могли мгновенно сесть в моторную лодку и уплыть к крейсеру “Аврора”. А все троцкие, каменевы, подвойские, антоновы, чудновские и прочие, весь съезд Советов — оставлялись врагу на растерзание. Заметим, что два важнейших руководителя переворота — военный министр генерал Маниковский и морской министр адмирал Вердеревский, члены правительства Керенского, — вечером 25 октября сидели в Зимнем дворце; в случае неудачи заговора они имели бы абсолютное алиби. Оба они были выпущены на свободу утром 26 октября, а прочие министры сидели в Петропавловской крепости, в ужасных условиях, до января 1918 года). Дом должен иметь проходные дворы к соседним улицам, чтобы агенты могли приходиться и уходить незамеченными.

Единственно возможное и пригодное место — рядом с Литейным мостом, на Неве, Воскресенская набережная, дом 28. Жилой дом, а во втором его этаже — контрразведка Петроградского военного округа. Отсюда вели проходные дворы на Шпалерную. Именно на Шпалерной “связист”, который вёл Ленина к Сталину, показал юнкерам такой “документик”, что те щёлкнули каблуками, а “связист” и Ленин исчезли в ночных (в седьмом часу вечера уже была ночь) проходных дворах.

Переворот был затеян за день до съезда, чтобы вручить власть съезду — и сразу заключить мир. Но выяснилось, что съезд не хочет брать власть. Делегаты не понимали, зачем они собрались. Из анкет делегатов-большевиков видно, что многие большевики из глубинки не хотели “власти Советов”; они хотели “демократии” и даже “коалиции” — власти совместно с “буржуями”.

Съезд открылся в Смольном (загаженном, заплёванном, плохо освещённом) 25 октября в 11 часов вечера, когда на Дворцовой площади шла вялая стрельба. Съезд возмутился против “насилия”. Мартов заявил, что происходящее — “военный заговор за спиной съезда” (видимо, Мартов, человек умнейший и хорошо информированный, что-то знал о “генеральском” закулисье происходящего переворота).

Арест министров, которые почему-то не разбежались утром, а заперлись за штыками в Зимнем дворце, был нужен заговорщикам, чтобы предъявить этот арест съезду Советов как неоспоримый факт низвержения прежней власти. В четвёртом часу утра Каменев зачитал съезду телеграмму Антонова о том, что Временное правительство арестовано.

Большевики имели на съезде менее половины мандатов. Догадайся эсеры и меньшевики объединиться — они бы сформировали своё правительство. Но правые эсеры и “чистые” меньшевики в знак протеста, негодуя, покинули съезд. Большевики получили большинство и приняли “Декрет о мире”. Керенский в эмиграции писал: “Если бы мы заключили мир, мы бы и теперь правили в Москве”. Ленин в 1919 году на конгрессе Коминтерна говорил: “Наша революция в октябре семнадцатого года была буржуазная”.

Первое правительство Ленина, созданное 27 октября (9 ноября) 1917 года, называлось Временным. Съезд дал этому правительству срок полномочий ровно на 1 месяц — до 27 ноября, на этот день назначив открытие Учредительного собрания.

12 ноября прошли выборы в Учредительное собрание, большевики получили четверть голосов, эсеры — больше половины. Имелась реальная угроза,

что “Учредилка”, руководимая лидерами эсеров (масонами), потребует продолжения войны.

По вопросу войны и мира Ленин и Сталин даже в ЦК и в правительстве находились в меньшинстве. Вероятно, что под нажимом генералов созыв Учредительного собрания перенесли на 5 января 1918 года – в надежде, что до этого дня удастся подписать с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией мир (проект этого сепаратного перемирия и мирного договора разрабатывался в русском Генштабе). 3 декабря в Брест-Литовске начались переговоры.

России воевать было нечем. Фронта не было. Траншеи на десятки вёрст стояли под снегом без единого солдата. Новая, социалистическая армия набиралась (за хорошее жалование) туго. К 1 января удалось завербовать лишь 700 добровольцев. Споры в Брест-Литовске (делегацию от России возглавляли Каменев и Иоффе) не давали результата.

Только 3 января 1918 года в России произошёл настоящий государственный переворот. ВЦИК Советов, где большевики имели твёрдое большинство – 62%, издал декрет, по которому Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отныне и навсегда вся власть в центре и на местах принадлежала Советам. По этому декрету Учредительное собрание стало устаревшим и незаконным. 10 (23) января 3-й Всероссийский съезд Советов (с большинством большевиков) утвердил этот декрет – в этот день в России и наступила Советская власть.

Подписывать мир с “Центральными державами” послали министра иностранных дел Троцкого, военными экспертами при нём были генерал Самойло и адмирал Альтфатер. Сохранились ленты телеграфа спецсвязи – на многие вопросы Троцкого премьер-министр Ленин отвечает: “Нужно посоветоваться со Сталиным” (очевидно, что Сталин находился на связи с генералами Генштаба).

Германия и в особенности Австро-Венгрия неимоверно жаждали мира, в Вене и Берлине сотни тысяч людей выходили на улицы, требуя еды. Троцкий 11 февраля отказался подписать мир, хотя немцы и австрийцы ему прямо говорили: тогда вы получите войну (теперь мы знаем, что Троцкий был агентом администрации президента США, и очевидно, что он исполнял веление своих хозяев – любой ценой удержать 130 германских дивизий на Восточном фронте).

18 февраля 72 германские и австрийские дивизии двинулись в наступление, забирая тысячи брошенных пушек и миномётов, пулемётов, грузовиков, огромные склады боеприпасов и снаряжения. 20 февраля из Петрограда в Двинск спешно выехали парламентарии – умолять о перемирии.

Ленин всегда презирал слово “отечество”, он утверждал (по Марксу), что у пролетария не может быть Родины. Но 21 февраля Совет Народных Комиссаров выпустил воззвание: “Социалистическое Отечество в опасности!”. В тексте воззвания-декрета видна твёрдая генеральская рука (многие пункты этого декрета дословно перешли в Постановление ГКО от 3 июля 1941 года).

Почему 23 февраля – “день рождения Красной армии”? Это был позорный день бегства русских солдат-наёмников. Немцы без боя заняли Нарву и Псков (где шла безумная матросская пьянка: военный и морской министр ленинского правительства матрос-баталер Дыбенко справлял свою свадьбу с любвеобильной Александрой Коллонтай – от чего осталось присловье: “как Дыбенко с Коллонтай пропили Псков”).

Дело, видимо, в том, что 22 февраля из Могилёва в Петроград приехала большая группа генералов во главе с начальником штаба Ставки Верховного Главнокомандования генералом М. Д. Бонч-Бруевичем. Вечером они встретились с Лениным и Сталиным. Трудный разговор продлился до утра. Речь шла о спасении России.

Требования генералов: немедленное заключение мира на любых условиях, национализация всей оборонной промышленности: горнорудной, металлургической и прочая (с этим требованием группа генералов во главе с начальником Главного Артиллерийского управления генералом А. А. Маниковским обращалась к царю ещё в 1916 году – ответа, естественно, не последовало), новая армия строится на основе всеобщей воинской обязанности, запретить все солдатские комитеты и советы, никакого обсуждения приказов, железная дисциплина, за воинские преступления – расстрел. Ленин принял все требования.

В тот же день, 23 февраля 1918 года, Ленин имел самую тяжёлую свою битву. Его ЦК дружно и категорически выступил и против мира, и против “царской” армии. После долгих часов крика Ленин ультимативно заявил, что уходит из ЦК. Поздней ночью предложения Ленина были приняты: 7 голосов за, 4 против, 4 воздержались. Рождение новой армии получило первичное оформление.

Ленин в те дни писал: “После 25 октября мы – оборонцы, мы теперь за защиту Отечества”. 3 марта 1918 года был подписан мир (на условиях втрое худших, чем это могло быть в декабре 1917 года). 4 марта в Республике Советов был учреждён Высший Военный совет, его возглавил генерал Бонч-Бруевич.

Басню про “Троцкого – создателя Красной армии” сочинил сам Троцкий (многие до сих пор в это верят). Красную армию создавали генералы и офицеры старого русского Генштаба. С марта по май была проделана громаднейшая работа. Были написаны, на опыте трёх лет войны в Европе, новые Полевые уставы для всех родов войск и их боевого взаимодействия – лучшие уставы в мире. Была создана новая мобилизационная схема – система военных комиссариатов (она служит России до сих пор).

Красная армия сделалась непобедимой, потому что ею командовали патриоты – десятки лучших русских генералов, прошедших две войны, и 100 тысяч отменных боевых офицеров. В распоряжении Красной армии при новой мобилизационной системе были неограниченные людские ресурсы – и армия имела громадные запасы оружия, боеприпасов и снаряжения (накопленные царским военным министром генералом Поливановым).

19 марта 1918 года Троцкий добился смещения генерала Бонч-Бруевича и сам занял его место. Бонч-Бруевич возглавил штаб Высшего Военсовета. Троцкий же стал “засланным казачком” – прикрытием иностранной интервенции в Россию.

В начале марта 1918 года в Лондоне состоялась секретная конференция Союзных держав, где было принято решение о совместном вооружённом вторжении (интервенции) в Россию. Намечалось навсегда покончить с Россией как с крупной независимой державой, лишить её выходов к морям и разделить на части.

Впереди была страшная и кровопролитная гражданская война...